

Ош и его обитатели

Е. Л. Марков. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. — СПб., 1901.

На базаре Оша. Начало 1900-х

В Ош выезжаешь также через туземный город. Его огромные базары по случаю мусульманских праздников битком набиты народом, хотя лавки почти все заперты, и только одни «самоварчи», «халвачи» (продавцы халвы), да «баккалы» (продавцы сладостей) продолжают торговать на славу; в харчевнях, по-здешнему аш-хане, бородатые дети пророка с искренним увлечением настоящих детей истребляют шурпу (похлебку из риса), шашлык и кавардак, запивая бузою из птичьего проса (кунака). Но большинство, как и везде, в чай-хане, вокруг самоваров. Очень немногие потягивают «тамбаку» (табак) из наргиле; эта турецкая и арабская забава как-то не особенно привилась к здешнему мусульманству. Может быть, она тесно связана с привычкою к кофе, потому что народы-кофейники, как турки и арабы, в то же время и народы-трубокуры, а любители чая, подобные киргизу, сарту, калмыку, не придают трубке того значения, какое она имеет на базарах Стамбула и Каира

Базары Оша. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Маленькая, очень старая мечеть обращает на себя внимание своеобразным каменным куполом с каменными же выпуклыми ребрами. Две другие мечети — более новые, с высокими красивыми минаретами. Но особенного в мусульманском городе ничего; все как везде, и базары, и дома, и сады, и дувалы. А между тем Ош — один из городов глубочайшей древности и даже загадочного происхождения. Местная легенда уверяет, что он основан еще премудрым царем и пророком Соломоном, которого мусульмане, как известно, почитают за святого вместе с царем Давидом, Авраамом, Моисеем и Христом.

Ош. Въезд в город. Начало 1900-х

Премудрый хазрет-и Сулейман-пейгамбёр (т. е. «святой Соломон») шел по Фергане с своим войском, двигаясь все вперед и гоня перед собою пару волов, запряженных в плуг. Дойдя до гор, он решил остановиться и крикнул обычный сартовский клич, которым они останавливают своих пашущих быков: «Хо-ош!» Волы остановились, и на месте их остановки был впоследствии построен город Хо-ош, или попросту Ош, в память возгласа пророка.

Ош. Старая мечеть. 1904

Над Старым Ошем возвышается одинокая утесистая гора, которая до сих пор называется Соломоновым камнем или Скалою Соломона — Сулейман-таш. Это заставляет придавать древней

легенде более значения, чем она по-видимому заслуживает своим слишком сказочным складом. Вообще, города Ферганы должны быть чрезвычайно древнего происхождения, потому что о многих из них существуют предания глубокой древности, связывающие их построение с первыми веками человечества.

Так, напр., по легендам сартов, их бывший город Канибадам, на месте которого стоит теперь Мазар-Ходжа-Яган и который существовал еще при завоевании Ферганы арабами в 8-м веке, — был основан 6.000 лет тому назад, еще при пророке Ное.

В дни арабов уже известен был и город Ош, и многие другие теперешние города и кишлаки Ферганы, как, напр., Андижан, Узгент, Мурган (т. е. Маргелан), Ходжент и проч.

Все заставляет думать, что этот счастливый уголок земли очень рано стал привлекать к себе поселенцев и играть роль в истории человечества.

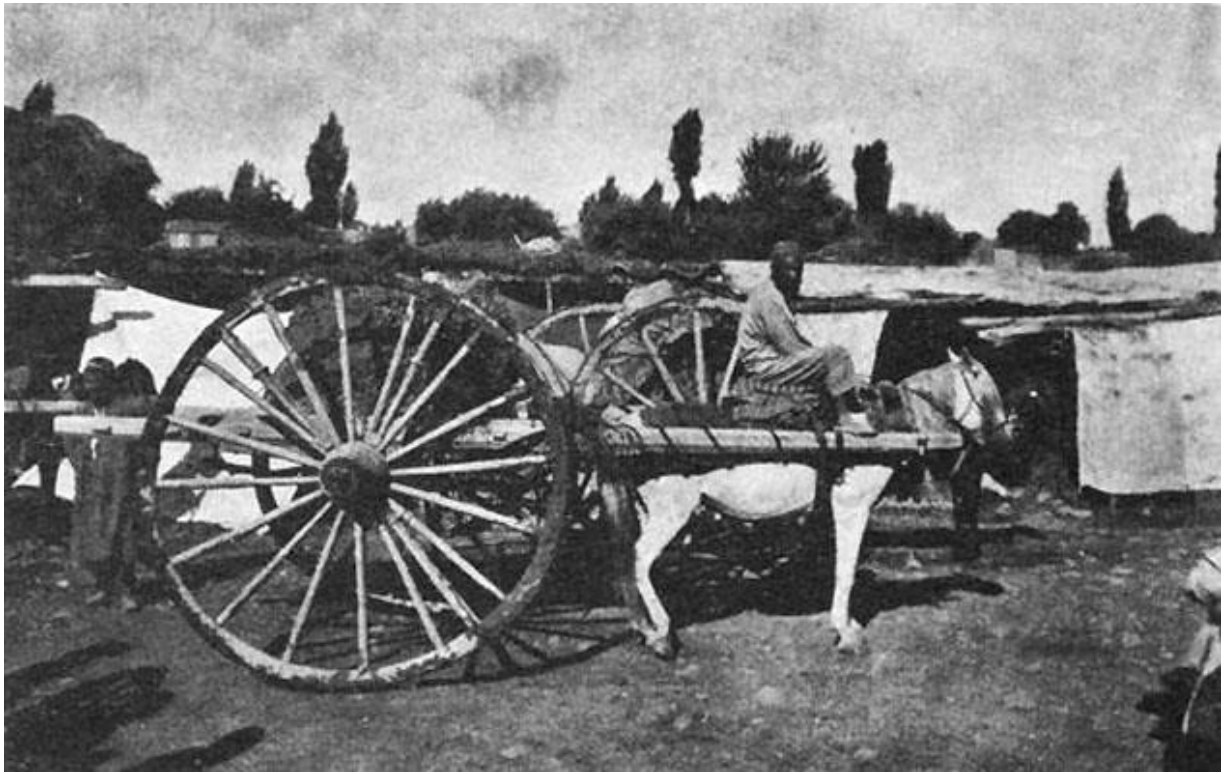

Когда мы выезжали из Старого Оша, собираясь переправиться через мост в русский город, нам навстречу с шумом, звоном и треском пронеслась целая многолюдная процессия. Молодцы-джигиты летели впереди, разгоня ногайками вправо и влево встречавшиеся арбы, верховых и пеших, а за ними, провожаемая ярко разодетыми верховыми чалмоносцами, катила помещительная долгуша, запряженная по-русски тройкою ретивых киргизских коней. Седой полковник внушительного вида сидел на этой долгуше, окруженный дамами и детьми, сияя среди облаков пыли своим военным мундиром и оружием и наводя искрений трепет на туземных обитателей, благоговейно созерцавших неистовый бег его громоносной колесницы. Оказалось, что это был местный уездный начальник Д. [подполковник А. Н. Дейбнер, уездный начальник с 1889 по 1892 г. — rus_turk] с семьею, выезжавший в соседний кишлак на тамашу к волостному старшине. Как ни коробит наши европейские вкусы и привычки такой чересчур шумный и показный способ езды, однако, поживши в Средней Азии, приходишь к заключению, что обычай этот выработался здесь не даром, и что в нем сказалось далеко не одно пустое желание «задать форсу» и «показать себя», «знай, мол, наших, помни, когда начальство едет!»

Ош. Река Ак-Бура

Нужно своими боками ознакомиться с невозможной теснотой, толкотней и беспорядочностью азиатских узеньких переулков и базарчиков, чтобы понять положительную необходимость заранее расчищать себе путь через них хотя бы громом и молнией... Арбы, верблюды, быки, лошади, люди, все здесь упрямо лезет вперед, не разбирая, можно ли пройти или нет, зацепишься ли за что или не зацепишься, раздавишь ли кого или нет. То и дело видишь, как арбы сцепливаются друг с дружкой концами осей, и начинается сначала руготня на весь базар, а потом потасовка палками. В иное время целый час нельзя протиснуться сквозь толпу, запрудившую проулочки.

Арба, груженная фруктами, на базаре Оша

Арба на берегу Ак-Буры. Экспедиция К. Г. Маннергейма, 1906

Совсем иное дело, когда в ушах халатников раздадутся знакомые им звуки двух колокольчиков, обычной принадлежности проезжающего начальства, или еще более понятные им угрожающие крики джигитов и хлопанье их ременных ногаек. Тогда все, что слышит эти внушительные сигналы, опрометью кидается направо и налево, раздвигается и отодвигается, сторонясь в подворотни, во дворы, в боковые переулочки и гузары, даже прямо в канавы, а то и поворачивая поскорее назад и улетающая под добру-поздорову до первого свободного разъезда...

Ош — это край света своего рода. Он считается или по крайней мере считался одною из важных крепостей Ферганы, оберегающих ее со стороны Кашгара, хотя очень трудно решить, где собственно эта крепость. Русский Ош, конечно, опять не что иное, как обширный сад из громадных тополевых аллей. За этими полками деревьев-гигантов, — настоящие сады и дворики, и среди них скромные низенькие домики с галерейками, крылечками и балконами. Тишина такая, что никакой деревни не нужно. Только и слышишь на улице поэтическое журчание арыков, омывающих вдоль всей улицы, по обе стороны ее, корни тополей. От тени этих исполинских тополей даже в полдень стоит на улице зеленоватый полусумрак, всегда несколько влажный от испарения арыков. Солнце пробивается сюда с своего безотрадно-ясного знойно-синего неба только сетью огнистых глазков и полос, переползающих по темным теням шоссе, которым отлично вымощены все улицы.

Ош. Уздания Офицерского собрания. Начало 1900-х

Редко когда проедут верхом казаки или рассыльные джигиты да торопливо промарширует куда-нибудь партия солдатиков-пехотинцев в своих белых рубахах и малиновых замшевых штанах. Шаги их надалеко раздаются под зелеными сводами длинной пустой улицы, будто в коридорах необитаемого замка. Мир и спокойствие вливаются в душу, когда вступаешь в эти тихие зеленые сени, откуда нет никуда дорог и в которых не существует никаких раздражающих нервы интересов. Словно приехал, как бывало когда-то, в далекие годы детства, в глухую усадьбу доброй старой бабушки, где каждый предмет неподвижно стоит на своем месте десятки лет, где ни одно знакомое лицо не изменилось с того времени, как стал помнить себя, и где сладкий душевный сон незримо убаюкивает всякого вступающего в эти безмятежные пределы.

Еще подъезжая к Ошу, уже можно было предчувствовать этот его характер совсем глухого, на край света задвинутого угла. На станциях с удивлением осматривали нас, спрашивая в недоумении, куда же это мы едем? и терялись в догадках, зачем это «вольному» [„вольным“ местные военные называют здесь всех штатских вообще, точно так, как во Франции их величают на языке армейцев не иначе как „рекинс“], да еще с барыней — приспичило забраться сюда, в Ош, в котором никому не

может быть никакой надобности, кроме живущей там кучки военных, давно известных в лицо всем по дороге...

У нас были письма к некоторым приятелям моего сына, который по своей обязанности военного инженера несколько времени тому назад не один месяц прожил в Оше, производя постройки в разных пограничных укреплениях.

Но день склонялся к вечеру, и не хотелось злоупотреблять гостеприимством добрых людей, доставляя им беспокойство в такой неудобный час. Мы расположились поэтому на ночлег в комнатах совсем пустынной почтовой станции и уже распаковали было свой багаж, как вдруг обстоятельства неожиданно изменили наши намерения.

Мне хотелось все-таки не терять времени, и пока солнце еще не село, а самовар еще не закипел, я вздумал совершить краткую предварительную рекогносцировку насчет предстоявших нам знакомств. Извозчиков на этом краю света, само собою разумеется, не водится, городских почт, посыльных, комиссионеров, гостиниц и адресных контор — точно так же; а потому пришлось прибегнуть к единственному практическому способу, остававшемуся в моем распоряжении, — это добыть языка. Вышел на улицу, словно вымершую от чумы, и стал поджидать добычи. Не скоро появились в пределах моего наблюдения две белые рубахи, но они шли с ружьями в руках куда-то на смену и не годились для моей цели. Прошел еще один солдатик, уж без ружья, но он зато нес разносную книгу с казенным пакетом, а потому тоже был мне не в руку. Только после нескольких тщетных попыток я мог наконец убедить одного податливого защитника отечества, что он отлично может исполнить четверть часа позже данный ему от начальства приказ — купить в лавочке две бутылки филатовского чарасу и фунт сыру, а до того времени успеет честным образом заработать себе на чаишко, проводив меня сейчас же в квартиру поручика Б-го [В. В. Бржезицкого (впоследствии ставшего уездным начальником)? — rus_turk]. До квартиры этой было добрых полторы версты, но в Оше пешему хождению не стать учиться, — и мы живо промахнули с моим чичероне длинную тополевую улицу, в которой от густоты деревьев уже лежали тени ночи. Огромный и добродушный поручик, большой приятель моего сына и усердный читатель моих книг, уже был заранее предупрежден о нашем приезде и встретил меня с трогательным радушием. Он и слышать не хотел, чтобы мы провели ночь на станции. Нас уже давно ждали здесь, и все было заранее приготовлено к нашему помещению. Как я ни отговаривался и ни уговаривал его, не мог одолеть его настойчивых просьб; пришлось вместе с ним зайти к соседке его, г-же С-й, жене местного врача, тоже близкой приятельницы наших детей, в доме которой они квартировали в прошлом году и к которой у нас также было письмо. В конце концов — длинная долгуша, запряженная здоровенным киргизом, явилась вместе с добрейшим поручиком и любезною г-жою С-й к нам на станцию, и мы с женою и пожитками, несмотря ни на что, были забраны военнопленными и водворены по назначению. Милый молодой воин, имя которого с такою честью упоминается теперь в числе бесстрашных удальцов Памирской экспедиции, уступил нам всю свою квартиру и даже своего денщика вместо горничной, а гостеприимный дом добрейшей соседки его, примыкавший двором к двору, сделался постоянным нашим местопребыванием в течение дня, так как мы всею компанией собирались сюда пить чай, обедать и ужинать, и мирно болтать на балконе в прохладной тишине ночей...

Я давно хотел побывать в настоящем глухом уголке Туркестана, где еще живы предания старых туркестанских нравов и типы старых покорителей Туркестана. И я от души порадовался, что мне удалось попасть как раз именно в ту характерную среду, до которой я добирался. Здесь, на крайних рубежах Китайской империи, в бесконечной дали от центров цивилизации, еще сохранилась товарищеская простота отношений между людьми и привычки бесхитростного братства, которыми так согревается на далекой чужбине однообразная и полная лишений жизнь военного человека. Здесь царствует какая-то добродушная коммуна в домашней жизни немногочисленного офицерского кружка, немножко, пожалуй, напоминающая братскую общину былой Запорожской Сечи. Всякий свободно идет в квартиру товарища и без стеснения пользуется всем, что у него найдется. У кого есть лошадка, все приятели, разумеется, рассчитывают на эту лошадку, как на свою собственность, и посылают за нею всякий раз, как приходит нужда. Тарантасы, линейки, тележки — все это собственность целого офицерства, за кем бы номинально не считались они и кто бы ни платил за них деньги из своего кармана. Приезжают к кому-нибудь гости, — и все военное товарищество, — хочет не

хочет — принимает участие в гостеприимстве. От одного тащится кровать, от другого стул, от третьего матрац; у кого достается подсвечник, у кого самовар. Хозяин без денег, — за сахаром посылает сосед, чай берется у товарища. И никому в голову не придет отказать, когда есть налицо то, что требуется; но и никто, с другой стороны, ни малейшим образом не посовестится ответить приятелю, что весь сахар вышел, что в доме не осталось ни одной свечки. И уж если ответит так, — стало быть, действительно так. Соврать в подобном случае, пошутиться в дележе с товарищем — величайший позор для туркестанского воина, и товарищи ему прохода бы не дали, если бы он был уличен в каком-нибудь таком «жидовстве». Да потом, это же было бы глупо и невыгодно; нынче я, завтра мне, всякому своя очередь; сегодня у него в кармане пусто, а завтра у меня. Всем сестрам по серьгам! Ни один порядочный туркестанский офицер не может прожить, как немецкий аптекарь, с таким педантическим расчетом, чтобы на каждый Божий день был непременно заготовлен свой необходимый зильбергрош. Русские широкие натуры, да еще военные косточки, не терпят такой скучной арифметики, а лучше согласятся пожить одну недельку в месяц как их душеньке хочется, пробиваясь впроголодь остальные три, чем тянуть все четыре недели одну и ту же канитель умеренности и аккуратности. Поэтому от перспективы пустого кармана никто здесь отрешиваться не станет.

А когда все в известной степени принадлежит всем, когда никто не конфузится обнаруживать скудность своего домашнего быта, — никому, разумеется, не может прийти в голову чваниться перед другими своею обстановкою, щеголять красивой одеждой или удобствами жизни. Поэтому совершенная простота быта — здесь закон природы своего рода. Здесь все просто до трогательности. Солдатская неразборчивость и нетребовательность воспиталась здесь самою историею рядом с бесстрашием и удалством. Ничтожные кучки наших геройских воинов, победоносно проносившие русские орлы через тысячеверстные пустыни и сквозь бесчисленные орды азиатских варваров, должны были в себе самих, в своем тесном братстве, в своем безмолвном терпении и скромности вкусов находить средства своего существования. Волей-неволей приходилось на обухе рожь молотить и шилом воду хлебать. Преследовалось всеми одно, главное — победа над врагом, завоевание и умирение края. Все же остальное, все личные потребности и вкусы выкидывались за борт как пустые мелочи, о которых не стоит ни говорить, ни думать. Есть что поесть, — поедят, а нет, так подтянутся потуже ремешком, покурят трубочки и ждут удобного случая. Походы в азиатских степях не балуют человека, не делают из него сибарита. Ночевать негде, кроме голой земли под открытым небом, пить нечего по нескольку дней сряду, часто и есть нечего. Зато нужно по сту верст в день месить пески, по неделям не слезать с седла. Ночью мерзнешь от мороза, днем жарись на пятидесятиградусном солнцепеке.

Поневоле упростишь все вкусы свои и станешь на все неразборчив. Эта простота и грубость быта, вместе с железной выносливостью, не знающей усталости ни от чего и никогда, — характерная черта истого туркестанца старого закала, каким мы узнали его в Оше. Если здешний военный народ немножко кокетничает чем-нибудь, — то разве только этими запорожскими свойствами своими.

Хозяин наш был одним из самых выразительных представителей этого симпатичного типа туркестанских воинов. Он был, с одной стороны, начитанным и любознательным человеком, с увлечением изучал историю, этнографию и природу этого богатого, в высшей степени разнообразного края, собирал коллекции естественных произведений, набивал чучела редких зверей и птиц, которых стрелял в горах Алая, набрасывал самоучкою масляными красками виды труднодоступных местностей, которые ему удалось посещать; а с другой стороны, это был истинный запорожец со всеми вкусами и талантами какого-нибудь черноморского пластуна. На коне он спал и ел, на коне он путешествовал по целым месяцам по пропастям и пустыням Алайских и Заалайских хребтов и неприступного Памирского плоскогорья, на коне он спокойно ездил в Ташкент, делая тысячу верст туда и назад, чтобы закупить каких-нибудь нужных ему вещей, которыми он, конечно, навьючивал того же своего конька. В охотах проходила его жизнь. Он был начальником охотничьей команды в своем батальоне и не знал ничего радостнее охоты. Кабанов, туров, аргали, сайгаков он бил десятками, охотился на тигров и барсов, и вообще считался настоящим ферганским Немвродом. Его огромный рост, сила и молодость вместе с отличным знанием края, бесстрашием и выносливостью — создавали из него идеального охотника. Я несколько не удивился, узнав потом из газет, что полковник Ионов выбрал его в число немногих смелых спутников своих, когда отправлялся с отрядом удалцов

на последнюю экспедицию свою в заоблачные пустыни Памира. Лучшего товарища в опасном и трудном походе по горным дебрям — найти бы было трудно.

Хозяйка наша была еще молодая, но уже бывалая женщина. Муж ее служил когда-то земским врачом в нашем Щигровском уезде, где я его немножко и знавал, но потом судьба занесла его в Фергану, в Ош, где он женился, осел и завелся своим домиком. Он лечил военный люд, жена его акушерствовала и тоже лечила сартянок и киргизок, смело разъезжая верхом по их кишлакам и становищам.

Ош. Мать и дочь

Ош. Киргизская семья на базаре

Теперь С. был уже несколько месяцев в Петербурге, где он держал при Медицинской академии экзамен на степень доктора, а барынька его жила здесь одна с матерью и мальчишкой-сынком. Она тоже смотрела истинным туркестанцем старого типа. Такая же сильная, неутомимая и бесстрашная наездница, как ее сосед, такой же неугомонный путешественник по дебрям и горам, — такая же простая и нетребовательная.

На ее балконе, в ее гостеприимной столовой постоянно собиралась бесцеремонная компания товарищей и приятелей. Никто ничем и никем не стеснялся; кто брал книгу и садился читать, кто просил поесть или выпить чего-нибудь, кто писал нужную ему записку, как у себя дома.

И хозяйка так же бесцеремонно прогоняла гостя, если он приходил не вовремя, посылала его за чем-нибудь или сама уходила по своим делам и самым откровенным образом объявляла требующим, что нынче у нее вина нет, если его действительно не было.

Бывало, сидишь теплою и синею звездною ночью на этом балконе, в бесконечной аллее деревьев-великанов, среди безмолвия рано заснувшего городка, — и, забывшись, воображаешь себя где-нибудь в деревенском саду своем, среди далеких родных. Поднимается кто-нибудь идти на боковую, и все, как сидят, без пальто и фуражек, идут провожать его в его скромную холостую квартиру, и кто-нибудь еще возьмет в руки горящую свечку, чтобы осветить впотьмах, и несет ее по неподвижному воздуху ночи словно по коридору дома, так, что даже пламя не колыхнется.

И это еще больше наводит на меня иллюзию и переносит воображение мое в отрадную простоту родного мне деревенского быта.

Среди близких друзей наших хозяев обращал на себя особенное внимание подполковник Гий, помощник уездного начальника [речь идет о Николае Галактионовиче Глушановском, впоследствии занявшем пост начальника Амударьинского отдела; генерал-майор с 1906 г., генерал-лейтенант с 1912 г. — rus_turk]. Это один из храбрейших боевых офицеров, участник в покорении края и администратор «твердой руки», какие только и могут быть полезны в этой стране дикого насилия и племенной вражды.

Умный, спокойный, решительный, он тут вполне на своем месте и держит население в великом уважении к русской власти. Теперь, когда я пишу это, он уже занимает пост, более подобающий его способностям и опытности, — начальника Ходжентского уезда. Это тоже, конечно, туркестанец 96-й пробы, образцовый наездник и охотник, глубокий знаток края, человек стойко выработанного характера, умеющий найтись и распорядиться во всяких трудных обстоятельствах, а потому самой природою, кажется, призванный для практической деятельности на наших далеких окраинах. Он особенно интересен для меня своим основательным знанием здешнего народа и края.

Признаюсь, когда мимо меня проходила эта новая для меня жизнь далекой азиатской окраины и как в волшебном фонаре сменялись одни другими характерные типы и лица, — мне вдруг показалось, что я словно уже видел где-то эти образы и словно уже раньше жил этою жизнью. И когда я силясь дать себе отчет в этих шатких намеках памяти, мне стало ясно, что передо мною повторяются теперь в живом виде типы и сцены, художественно воспроизведенные когда-то нашим талантливым знатоком Туркестана Каразиным в его первых романах и повестях из среднеазиатской жизни. Я думаю, что в этих инстинктивных впечатлениях туриста — лучшее доказательство достоинства тех литературных произведений, которые ими напоминаются.

Характерна холостая квартира, которую Г<лушановск>ий великодушно уступил для нашего ночлега. Это скорее какой-то беспорядочный музей, чем жилое помещение. Обе комнаты загромождены на полу, увешены по стенам разнообразными произведениями местной природы и туземного искусства.

Головы памирских архаров с громадными витыми рогами, бородатых кииков, заменяющих в Алае кавказского тура, сайгаков, диких коз, кабанов, шкуры барсов и тигров, местные змеи в банках, чучела птиц, гербарии памирской и алайской флоры, куски минералов перемешаны с туземными одеждами и домашними вещами. Тут и круглые кожаные коробки для провизии, перекидываемые через седло, и ковровые куржины, и киргизская шуба из шкур кииков, заменяющая бурку, и чайные чашки в походных кожаных чехлах, без которых ни один киргиз и сарт не выедут в путь, и всякого рода оружие, азиатское и русское; к довершению этого bric-à-brac — этнографические и исторические книги, карты, путевые эскизы разных диких местностей и, наконец, счета и ведомости батальонного казначея, в должности которого состоит наш хозяин.

В другой, нежилой половине дома — везде нагромождены в несколько рядов и друг над другом длинные доски, устланные листьями тутового дерева, на которых кишат белые гусеницы шелковичной бабочки. Когда стоишь молча в комнате, то слышишь тихое дружное чавканье этих десятков тысяч крошечных ртов, точащих зеленую мякоть листа. Тяжелый неприятный дух стоит в доме от мириад этой вечно жрущей гадины, но с этим волей-неволей приходится мириться всякому, кто задастся целью кормить червей. В Оше почти каждый наш военный и даже целые солдатские команды занимаются между делом кормежкой червей, для которых они покупают у туземцев грену и тутовый лист. Возни с этим пропасть, места требуется очень много, и тем больше, чем дело идет дальше, чем крупнее вырастают черви. Многие хозяева уходят в сад, в палатки, в кухни, чтобы только очистить место для полок, на которых расстилают листья; когда гусеницы окуклятся и завернутся в коконы, их отдают разматывать туземцам и получают по несколько фунтов шелку, который, в свою очередь, за самую пустую плату отдают ткать тем же туземцам, так что в общем итоге затратю небольших денег и больших трудов в течение 2—3 недель каждая семья приобретает себе изрядное количество аршин местной шелковой материи.

